

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-31-37
УДК 327(045)

Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР

Ю.Ю. Мельникова

МГИМО МИД России, РСМД, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

На фоне системного соперничества США и КНР поведение других ключевых международных игроков часто рассматривается в контексте их позиции по отношению к Вашингтону и Пекину. Так, выпуск Стратегии ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе в 2021 г. был воспринят многими как шаг, свидетельствующий о солидарности Брюсселя и Вашингтона. В статье выдвигается гипотеза, что принятие документа отражает скорее общую эволюцию внешнеполитического планирования ЕС под воздействием Глобальной стратегии 2016 г. и направлено на укрепление самостоятельной роли Союза во всех регионах мира. Практически это выражается в изменении инструментария Брюсселя при работе с партнерами. Для проверки гипотезы последовательно проводится дискурс-анализ программных документов ЕС по Азии в постбиполярную эпоху и выделяются характерные для каждого методы работы. Отдельно анализируется документ 2021 г. для выявления общего и различий с предыдущими. Для структурирования полученных выводов о стратегии ЕС в ИТР используется модель анализа организационного поведения *MOST*. Для учета роли КНР в принятии документа отдельно рассматривается эволюция места Пекина в европейской политике в Азии. Полученные результаты приводят к подтверждению гипотезы.

Ключевые слова: ЕС-Китай; ЕС-АТР; Индо-Пафидика; принципиальный прагматизм; внешняя политика ЕС; геополитическая комиссия

Для цитирования: Мельникова Ю.Ю. Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):31-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-31-37

ORIGINAL PAPER

EU Strategy in the Indo-Pacific Region: Domestic Drivers and the Chinese Factor

Yu. Yu. Melnikova

MGIMO University, RIAC, Moscow, Russia

ABSTRACT

Amidst the US-China confrontation the behavior of other key international players is often construed regarding their stance towards Washington or Beijing. For example, when the EU published a Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific in 2021, many saw it as a gesture of solidarity with Washington. The article suggests that the document reflects rather the general evolution of the EU foreign policy under the influence of the Global Strategy of 2016 and aims at proactive strengthening of the EU's "actorness" in different regions of the world. In practice, it leads to changing methods and instruments of dealing with partners. To verify the hypothesis the article does the following – uses discourse analysis to study all EU strategic documents on Asia in the post-bipolar era and identify typical methods of engaging with the region; specifically analyses the recent document to show similarities and differences with previous ones; visualizes the results of the analysis through the MOST model of organizational behavior. Apart from this, to see if the Chinese factor played its role in adjusting the EU policy in Asia, the article plays particular attention to the evolution of Beijing's place in the EU strategy. The conclusions confirm the hypothesis.

Keywords: EU-China; EU-Asia-Pacific; Indo-Pacific region; principled pragmatism; the EU foreign policy; geopolitical commission

For citation: Melnikova Yu. Yu. EU Strategy in the Indo-Pacific region: Domestic drivers and the Chinese factor. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):31-37. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-31-37

ВВЕДЕНИЕ

Совместное послание Европейской комиссии и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности «Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)»¹ от 16 сентября 2021 г. привлекает внимание по двум причинам. Во-первых, документы ЕС по Азии редки. Они выпускались циклами — в 1994 и 2001 гг., а затем в 2007 и 2012 гг., — а значит, можно говорить о начале нового этапа. Во-вторых, документ описывает уже не Азиатско-Тихоокеанский, а Индо-Тихоокеанский регион — в европейской интерпретации географически схожий, но в России ассоциирующийся со стратегией США по сдерживанию КНР в контексте изменения мирового порядка [1, 2], что создает повод для политизации его анализа.

На наш взгляд, документ необходимо рассмотреть в более широком историческом контексте. Гипотеза заключается в том, что стратегия отражает не трансформацию порядка, а скорее развитие представлений ЕС о своей роли в нем. В фокусе исследования — изменение методов продвижения интересов ЕС в Азии в этом контексте.

КОНТЕКСТ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С момента принятия Глобальной стратегии «Общее видение, единый подход: сильная Европа» в 2016 г. возобновилась дискуссия о теоретических подходах к анализу ЕС в мировом порядке. Под воздействием документа либерализм в политике Союза стал более избирательным: методы работы были пересмотрены в пользу менее нормативно обусловленных [3] в контексте политики «принципиального прагматизма». Тандем главы Еврокомиссии У. фон дер Ляйен и руководителя Европейской службы внешних действий Ж. Борреля дополнительно способствовал «геополитизации» ЕС². В соответствии с новой задачей укрепления своей роли в мире он обратился к проработке стратегии в менее традиционных регионах — Азии, Африке, на Ближнем Востоке.

До последнего времени политика в АТР, который не был приоритетом ЕС в отличие от США, России и «новой Восточной Европы», оставалась

закономерно малоизученной [4–6]. Сегодня на Западе активно появляются новые исследования [1, 7, 8], однако в России они все еще единичны. Представляется своевременным дополнить пробел, системно рассмотрев политику в АТР как иллюстрацию эволюции общей стратегии ЕС.

Для этого проведен дискурс-анализ всех региональных стратегических документов по следующим параметрам: мотивация к работе в АТР, сферы диалога, стоящие в них задачи, методы реализации. При анализе последних учитывается концепция М. Смита, согласно которой они могут принимать форму укрепления внутреннего законодательства как способа выдвижения нормы (*framing*) и двусторонних форматов как возможности вывести норму вовне (*negotiation*) [9]. Для наглядного представления полученных выводов используется так называемая модель *MOST* (*mission, objectives, strategies, tactics*)³, систематизирующая составляющие политики ЕС в АТР — его представления о своей миссии (идентичность), цели, стратегии и тактике реализации.

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА АЗИАТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Постбиполярная эпоха благоприятствовала ЕС. За счет подписания Маастрихтского договора 1992 г. окрепла организационная структура объединения и его потенциал на международной арене. После азиатского финансового кризиса 1997 г. за Европой закрепился статус лидера глобальной экономики. Материальная обеспеченность способствовала развитию ЕС как «нормативной силы» — росла привлекательность партнерских программ, и Брюссель начал все более активно выходить во внешнюю среду: на новые рынки и в политическое пространство.

Послания Еврокомиссии «На пути к новой стратегии в Азии»⁴ 1994 г. и «Европа и Азия: стратегические рамки развития партнерства»⁵ 2001 г. обрамляют первый период стратегического планирования в регионе, основным приоритетом которого было создание устойчивого имиджа ЕС как политической и экономической силы и закрепление своих рычагов влияния, в том числе за счет содействия

¹ The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf

² The Geopolitical Commission: Learning the 'Language of Power'? College of Europe Policy Brief. February 2020. URL: https://aei.pitt.edu/103397/1/gstohl_cepob_2-2020.pdf

³ MOST Analysis. URL: <http://www.free-management-ebooks.com/news/most-analysis-mission-objectives-strategy-tactics/>

⁴ Towards a New Asia Strategy. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994DC_0314&from=EN

⁵ Europe and Asia: A Strategic Framework for Enhanced Partnership. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2001:0469:FIN:EN:PDF>

преодолению политической турбулентности в Азии, борьбе с транснациональными угрозами [10]. Реальное содержание взаимодействия уточнялось постепенно. Первый документ широко обозначал политическую, стратегическую, информационную, экономическую сферы диалога, а также помощь развитию. В 2001 г. приоритетами стали уже более узкие торгово-инвестиционное сотрудничество, экодIALOG, борьба с транснациональными угрозами, заложившая основу связки «безопасность-развитие» в двусторонних отношениях, а также здравоохранение и демократизация региона. Характерная черта периода — внутренний фокус ЕС ввиду необходимости унифицировать позиции государств-членов и тактически для него характерное применение методов первой группы по М. Смит: в 1994–2001 гг. был сформирован внутренний нормативный фундамент через создание координационной системы действий, выстраивались приоритеты по странам и секторам, шло формирование имиджа ЕС, а после 2001 г. инструментом политики стали нормативно-трансформационные методы [2] — программы помощи ЕС на АТР, которые по существу также являются внутренними.

Следующий этап осмысления политики в Азии начался после принятия Европейской стратегии безопасности 2003 г., отразившей новую ответственность ЕС за состояние международной системы. Мотивацией стала необходимость уточнения политики из-за роста роли АТР в мире с целью защиты европейских интересов. Руководящие принципы внешней политики и политики безопасности ЕС в Восточной Азии 2007 г.⁶ де-юре закрепили зависимость благополучия ЕС от безопасности и развития АТР. К 2012 г.⁷ последствия экономического кризиса добавили этой взаимозависимости энергетическое и финансовое измерения [11]. В этот период сферы вовлеченности не менялись, но роль безопасности росла, и список задач стал более политизированным: среди них были обозначены поддержание мира и стабильности, продвижение международной системы, «основанной на правилах», развитие и консолидация демократии, защита прав и свобод человека, вовлечение региона в глобальные режимы. Методы сохранили нормативно-трансформационный вектор, но ввиду экономических трудностей в самом ЕС потеряли конкретику [4] и свелись

к глаголам «продвигать», «поощрять/способствовать», «вовлекать». Отсутствие ресурсов к 2012 г. стимулировало стремление создавать диалоговые форматы — в первую очередь с сильными странами региона — Китаем, Японией, Республикой Корея, Сингапуром. Тем не менее «направляющая» роль Союза пока не подразумевала полного перехода ко второй группе методов по М. Смит и равной вовлеченности сторон.

ДОКУМЕНТ 2021 Г.: СМЕНА ПАРАДИГМЫ?

В 2010-е гг. внимание ЕС от системного переосмысления политики в АТР отвлекали кризисы на Ближнем Востоке и Украине, всплеск популизма в Европе и разногласия с США при Д. Трампе. Глобальная стратегия 2016 г. активизировала стратегический поиск, но потребовались внешние шоки в виде COVID-19 и американо-китайского соперничества, чтобы его завершить.

Новый документ качественно отличается от предыдущих. Безусловно, привлекает внимание термин «индо-тихоокеанский». ЕС наполняет его своим содержанием, по смыслу близким Индии, отличным от США и Японии, что демонстрирует его претензию на глобальную ответственность. Кроме того, стратегия четко структурирована, а методы ее реализации впервые предельно конкретизированы. (Гео)политическая составляющая мотивации ЕС ожидаемо усилилась: текущая цель в регионе — укрепление порядка, «основанного на правилах», что в тексте так или иначе упоминается 10 раз. Часто говорится и о связанных с ним идеях «равных возможностей», «транспарентности», «безопасности». Выбор направлений сотрудничества при этом прагматичен: это флагманские в ЕС экология, цифровая сфера и международная торговля, а также такие новые направления, как развитие региональной связанности и «жесткой» безопасности.

Методологически можно говорить о частичном отходе ЕС от нормативно-трансформационной политики: программы помощи практически исключены из инструментария в пользу двусторонних проектов, позволяющих повысить подотчетность партнеров (см. таблицу). Методы первого и второго уровня, по М. Смит, в отношении различных задач предполагается применять в различных соотношениях. В традиционной «зоне ответственности» ЕС — обеспечении человеческой безопасности — сохраняется наиболее патерналистский курс в форме односторонней помощи странам региона в борьбе с последствиями пандемии и природных катастроф.

⁶ East Asia Policy Guidelines. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-16468-2007-INIT/en/pdf>

⁷ Guidelines on the EU's Foreign and Security Policy in East Asia. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/asia/docs/guidelines_eu_foreign_sec_pol_east_asia_en.pdf

Другие классические направления испытали большее влияние Глобальной стратегии 2016 г.: в «зеленой» и цифровой сферах ввиду их относительной незрелости запланированы подготовительные программы-шаги по распространению стандартов ЕС, но основу должны составить двусторонние договоры. Более развитая сфера экономического сотрудничества уже полностью переведена на подотчетный принцип.

Новые направления включают амбициозные планы и отражают порядкоструктурирующее видение ЕС в регионе. Идея региональной связанности, появившаяся в контексте усовершенствования внутрисоюзной инфраструктуры [12] и балансирования против китайской Инициативы пояса и пути [2], была оформлена в Стратегии по соединению Европы и Азии в 2018 г.⁸ Европейская «связанность» включает в себя не только транспортный, но также цифровой и информационный компоненты. Ее реализация в ИТР закономерно запланирована с «нуля» на основе документа *Europe Data Gateways*, регулирующего зарубежный интернет-трафик⁹ и выполняющего, таким образом, функцию выстраивания нормативных стандартов в этой сфере. Далее финансирование программы уже предполагается привлекать из частных источников с обеих сторон и только в случае необходимости — из общеевропейских проектов. Развитие транспортной связанности предполагается только в рамках двусторонних диалогов. Вопросы безопасности в ИТР получили оборонно-геополитическое измерение в результате смещения центра тяжести международных процессов на Восток. ЕС стремится укрепить свою роль в этих процессах через построение «основанной на правилах» архитектуры безопасности в морском домене на многосторонней основе.

В рамках модели *MOST* можно представить современный этап структурирования политики ЕС в ИТП отобразенный на *рисунке*.

РОЛЬ КИТАЯ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ РАСЧЕТАХ ЕС В АЗИИ

Безусловно, внутренние причины изменения стратегии ЕС соположены с трансформацией мирового порядка и самой Азии, а именно с появлением

в лице КНР потенциального контрнарратива западоцентричности мирового развития. Фактор Пекина — вспомогательная переменная для объяснения феномена Стратегии, поскольку роль КНР в ней кардинально изменилась по сравнению с ранними документами.

В 1990-е гг. интерес к КНР неуклонно рос ввиду перспективности китайского рынка, поэтому в 1994 г. ее называли опорой системы союзов ЕС в Азии. В 1995 г. появилась «Долгосрочная повестка европейско-китайских отношений», а в 1998 г. — формат регулярных саммитов ЕС-КНР. Период «конструктивного вовлечения» привел к скачкообразному росту товарооборота и интенсификации политического диалога, и в Стратегии 2001 г. Китай был назван локомотивом интеграции АТР в глобальную экономику, образцом для развивающихся стран. В XXI в. двусторонние отношения пережили взлеты в 2003–2007 гг., когда их статус был повышен до «стратегического партнерства», и 2013–2015 гг., когда была подписана Повестка двустороннего сотрудничества до 2020 г. Хотя уже с 2005 г. опасения ЕС в отношении КНР росли (что нашло отражение в Документе 2007 г.), кооперационные тенденции еще преобладали над конфронтационными: Пекин сохранял центральное место в Азии как важнейший торговый партнер ЕС, чья вовлеченность в глобальные режимы имела стратегическое значение для Брюсселя. В 2012 г., несмотря на наличие торгового дефицита и недостаточную транспарентность, стремление вовлекать Пекин в существующие международные режимы ввиду его растущего влияния на безопасность, политическое сотрудничество и экономические процессы в регионе и мире также не исчезло.

Двусторонние отношения начали ухудшаться в 2016–2019 гг.: Китай теперь классифицируется как системный соперник ЕС¹⁰ и стратегический партнер, а двусторонние инициативы, такие как Всеобъемлющее инвестиционное соглашение (ВИС) и сотрудничество под эгидой ИПП — в тупике. Демонстративно в Стратегии 2021 г. КНР упоминается всего пару раз в контексте «развития китайской военной машины» и отправки военных советников ЕС в представительства в Китае и Индонезии. При этом «китайская тень» заметна в риторике всего документа: такие обороты, как «прозрачность инвестиций», «равные условия», «недобросовестность

⁸ Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf

⁹ Data Gateway Declaration. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/digital-day-2021-europe-reinforce-internet-connectivity-global-partners>

¹⁰ Commission reviews relations with China, proposes 10 actions. March 12, 2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_1605

Таблица / Table

Тактическая составляющая европейской политики в ИТР / The tactical component of European policy in the IPR

	Методы первой группы (framing)	Методы второй группы (negotiation)
Торгово-экономическое сотрудничество	-	Проект «Ответственное развитие производственных цепочек в Азии» (договоры с Китаем, Японией, Мьянмой, Филиппинами, Таиландом и Вьетнамом)
		Торговые переговоры с Австралией и Новой Зеландией, расширение переговоров с Индией — по инвестициям и географическим наименованиям. Цель — двусторонний документ.
		Всеобъемлющие торговые соглашения с Японией, Республикой Корея, Сингапуром, Вьетнамом, Соглашение об экономическом сотрудничестве с Тихоокеанскими государствами
		Соглашения о защите прав инвесторов с Сингапуром и Вьетнамом
Зеленая повестка	Финансирование в рамках Horizon Europe	«Зеленые союзы» по климатической нейтральности (первый уже заключен с Японией)
	Продвижение международно-правовых стандартов в сфере использования ресурсов, защиты биосферы	Соглашения по сотрудничеству в области устойчивого рыболовства
	Программа ЕС Global Europe: Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument	Международная платформа по устойчивому финансированию (многосторонняя)
Цифровая сфера	Программа ЕС «Цифровой компас 2030: Европейский путь в цифровой век»	Соглашения о цифровом сотрудничестве с партнерами
		Зоны безопасности информационных потоков с Японией и Южной Кореей
		Переговоры о присоединении к Horizon Europe Австралии, Японии, Республики Корея, Новой Зеландии и Сингапура в качестве партнеров и инвесторов
Региональная связанность	Программы ЕС Connecting Europe Facility, Horizon Europe, InvestEU	Двусторонние диалоги по развитию связанности, привлечение финансирования из азиатских стран (Япония, Индия, АСЕАН)
	Декларация Europe Data Gateways	
Оборона и безопасность	Потенциальное учреждение Морской зоны интересов ЕС в ИТР	Проект Enhancing Security Cooperation in and with Asia в виде соглашений (Индия, Индонезия, Япония, РК, Сингапур, Вьетнам)
	Проведение гражданских миссий ОПБО (EUNAVFOR в Сомали, операция «Атланта» в Индийском океане и EUTM в Мозамбике)	Сотрудничество с оборонными структурами АСЕАН, отдельно — Австралия, РК, Новая Зеландия
	Расширение Critical Maritime Routes (CRIMARIO) в южной части Тихого океана	Двустороннее сотрудничество военных советников (Индия, Вьетнам)
Человеческая безопасность	Фармакологическая стратегия ЕС, COVAX	-
	Помощь в борьбе с последствиями природных катастроф	

Источник / Source: составлено автором на основе The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf / compiled by the author based on The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf

Рис. / Fig. Элементы современной стратегии ЕС в АТР/ИТР /
Elements of a modern EU strategy in the Asia-Pacific/Indo-Pacific Region

Источник / Source: составлено автором на основе анализа документов / compiled by the author based on the analysis of documents.

государственных предприятий», «демократические принципы 5G» — неотъемлемые атрибуты списка европейских претензий к Пекину. Тем не менее формально для Китая сохраняется возможность подписания двусторонних соглашений, а именно ВИС и потенциального «океанского партнерства». В Брюсселе понимают, что Пекин избегает юридического закрепления каких-либо договоренностей на двустороннем уровне — растущая напряженность в отношениях продиктована именно невозможностью обеспечить его подотчетность — однако издержки от конфликта с КНР превышают изъёны взаимодействия, что приводит к амбивалентности позиции ЕС.

ВЫВОДЫ

Анализ Стратегии ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе 2021 г. в контексте политики Евросоюза в Азии в постбиполярный период опровергает тезис о поддержке Брюсселем американского видения структуры региона. При том, что изменение роли Китая и динамика европейско-китайских отношений оказали существенное влияние на время выпуска стратегии и ее содержание, этот фактор не является определяющим. В отличие от первых стратегических документов ЕС по Азии, отражавших его нормативно-трансформационную идентичность,

этот направлен на закрепление независимой роли Брюсселя в АТР/ИТР и меняющемся мире через сохранение там ЕС-центричных режимов развития.

При этом амбиции Брюсселя, по сравнению с предыдущим периодом, существенно ограничены: с содержательной точки зрения в основе политики остались те сферы, в которых ЕС действительно имеет влияние — это международная торговля, экология, цифровые технологии и человеческая безопасность. В качестве оригинального проекта в поддержку своих целей выдвигается задача развития региональной связанности, — реализованная в соответствии с европейскими стандартами, она могла бы способствовать росту его роли в целом.

Методологически Стратегия также соответствует «духу» Глобальной стратегии 2016 г. Ранее инструментарий ЕС прошел две стадии: подготовительную унификацию позиции государств-членов и преимущественно одностороннее воздействие через программы помощи. Сегодня для экономии ресурсов ЕС тактически предполагает комбинацию внутренних программных форматов, оказывающих защитное воздействие и призванных устанавливать стандарт взаимодействия, и двусторонних договоров со странами региона, позволяющих распределить обязательства между заинтересованными сторонами.

REFERENCES

1. Casarini N. Rising to the Challenge: Europe's Security Policy in East Asia amid US-China Rivalry. *The International Spectator*. 2020;55(1):78–92. DOI: 10.1080/03932729.2020.1712133
2. Chen X., Gao X. Analysing the EU's collective securitisation moves towards China. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10308-021-00640-4>
3. Smith M., Youngs R. The EU and the Global Order: Contingent Liberalism. *The International Spectator*. 2018;53(1):45–56. DOI: 10.1080/03932729.2018.1409024
4. Weissmann M. A European Strategy towards East Asia. Moving from Good Intentions to Action. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/a-european-strategy-towards-east-asia-moving-from-good-intentions-to-action.compressed-1.pdf>
5. Godement F. Europe-Asia: The Historical Limits of a 'Soft' Relationship. New York, Palgrave Macmillan; 2008. DOI: 10.1057/9780230583467_2
6. Christiansen T., Kirchner E., Murray P.B. The Palgrave Handbook of EU-Asia. Relations. London: Palgrave Macmillan; 2013. 642 p.
7. Mishra R., Hashim A., Milner A. Asia and Europe in the 21st Century. New Anxieties, New Opportunities. London: Routledge. 2021. 218 p. DOI: 10.4324/9781003148067
8. Song W., Wang J. *The European Union in the Asia Pacific: Rethinking Europe's interests, roles and policies*. Manchester University Press; 2018. 240 p.
9. Smith M. EU Diplomacy and the EU-China strategic relationship: framing, negotiation and management. *Cambridge Review of International Affairs*. 2016;29(1):78–98. DOI: 1080/09557571.2015.1118999
10. Smith M. The EU, Asia and the Governance of Global Trade. The Palgrave Handbook of EU-Asia Relations. Palgrave Macmillan; 2013.
11. Cottey A. Europe and China's Sea Disputes: Between Normative Politics, Power Balancing and Acquiescence. *European Security*. 2019;28(3):473–492. DOI: 10.1080/09662839.2019.1636784
12. Su F., Kim J. et al. China-EU Connectivity in an Era of Geopolitical Competition. URL: <https://sipri.org/publications/2021/sipri-policy-papers/china-eu-connectivity-era-geopolitical-competition#:~:text=The%20long%2Dstanding%20relationship%20between,competition%20between%20major%20power%20centres.&text=Areas%20of%20cooperation%20have%20included,in%20transport%20and%20digital%20networks>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Юрьевна Мельникова — аспирант МГИМО МИД России; программный координатор РСМД, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-7922-2498>

jmelnikova@russiancouncil.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yulia Yu. Melnikova — PhD Student, MGIMO University, Program Coordinator, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7922-2498>

jmelnikova@russiancouncil.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.01.2022; accepted for publication on 15.02.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.